

Одной из самых неожиданных рецензий на творчество НБ оказалась дипломная работа выпускницы Литературного института им. Горького **Марины Васильевой**, фрагмент из которой нам любезно предоставил супруг критика Федор Васильев, бывший в то время священником одного из челябинских храмов.

Этюды к портрету художника в зрелости

(Книга стихотворений Николая Болдырева «Медленное море»)

Культура – в том числе земледельческое понятие. В королевских садах, буйно заросших одичавшими злаками и переросшими свои формы деревьями, сорняками стратегического значения и прочими неплодными породами, сложно отыскать что-то здоровое и годное в пищу. Насытить может и живое слово, как нам известно из фольклора. В безымянных глубинах растительного моря тонет сознание: одним академизмом стихию не одолеть. Дикий бурьян невидно переходит в дебри традиционного шиповника. В безнадежности этих сорняков кажется, что сказочный замок, с обещанным чудом в своем каменном сердце, скрылся в пучине метафоризма. Погружаясь в стихию, держись за нитку сюжета. Нам нужен опытный путеводитель, желательно переодетый наследный принц. Он скажет: «Вот фасоль, она отцвела, вот смородина – еще зацветет, это чертополох, вот специальный кабачок – он весел и зелен, пока жив мой друг, он завянет, если с ним произойдет несчастье».

В мифологические дебри
мы погружаемся все дальше,
пока в душе, дитя растений,
однажды не погибнет мальчик.

Дальше Пушкина мы не пойдем: мифологическая древность еще не заговорила на понятном языке, а Пушкин – фигура, открытая современности, и его язык нам доступен, в поисках живого и здорового он будет ориентиром, в отрезке поисков – пограничной точкой. Литературный герой, он вырвался из окаменений истории культуры в открытую сферу живого общения. Давно оформилась традиция обращаться к нему на «ты», ревновать к Наталье Николаевне, приятельски вздыхать: «Ах, Александр Сергеевич, милый...» И здесь нам интересно не само по себе панибратство, а порожденные живой надеждой и взволнованностью попытки измыслить Пушкину счастливую судьбу. Видимо, есть некий иррациональный уровень, порождающий такие вибрации. На нем и выше его Пушкину

возможно дожить до старости, но формы проживания, безусловно, окажутся для нас неожиданными. Смерть его как явное противоречие, воспринимается болезненно и по сейчас свежо. Мысль о том, что он лежит мешком среди узких досок необаятельный и некрасивый, добычей тления, заставляет вздрогнуть. Но очевидцы тех событий, его духовник говорят, что Александр Сергеевич прощен, и это позволяет апеллировать к его авторитету и жизненному опыту. Его видимое участие в судьбах литературы побуждает исследователя речи к попыткам сформулировать для себя Пушкина как определение, как метафору, через которую откроется смысл современной культуры. И мы, читая Николая Болдырева, ищем сходство. Живые аналогии заставили нас ввести в работу о нем Александра Сергеевича в качестве актуального персонажа; что-то указывает на несомненность и прямизну внутренней линии, структурирующей их биографии как идеальную биографию поэта, на ее соответствие ритму и направлению традиции.

Я начал понимать стихи,
когда увидел, как легки
у Феофана Грека руки,
как бесконечно далеки
луга нетронутой реки
от беспризорности и скуки.

Культурный контекст нам интересен, как режиссеру – ландшафт, в цветовых пространствах которого действует герой, сами очертания сказочной страны. Культура сегодня мыслится как замкнутая сфера – царство секуляризованной эстетики, как некий неопределимый и кажущийся иллюзорным процесс. Недвусмысленная установка приводит к самодостаточным стилистическим поискам, профанирующим самое культуру; Николай Болдырев, представляющий традицию, формулирует отношение здорового художника. Убеждает в его правоте не точность внешнего контура, но внутреннее чувство красоты, обросшие непобедимым разноцветьем живых кораллов сознания – рифы догмата.

Бог стилистических доминант подходит
и спрашивает меня о чем-то.

А я не знаю, что ему ответить.

Я не в курсе событий в этой части речи...

Мое сверхсознание отражается в других зеркалах:
оно отражается в скальных пещерах речи моей,

в спелой трезвости моего огорчительного нелюбопытства
к тайнствам стилистических доминант и стилистических
самообманов.

С помощью плоскостной эстетической терминологии дать конкретное внятное определение культуры действительно невозможно, необходимо устанавливать объем, вводя дополнительные координатные оси – этическую и религиозную. Обыденный культуротрегер представляется нам носителем осознанно плоскостного типа мышления. Почему-то считается хорошим тоном: оперировать лишь эстетическими категориями, быть выше добра и зла, хотя декларируемый аморализм уже подозрителен, и двух вышеперечисленных признаков достаточно, чтобы опознать архетип – это мильтоновский сатана – к нему восходит вереница демонов и демонических героев «новой» литературы.

Избиению младенцев
предшествует осень искусства.

В своей эссеистике Болдырев актуализирует проблему нравственности и духовности, вслед за Киркегором он различает три стадии ума на жизненном пути, тем самым вводя в культурный обиход такие жизненно важные и давно забытые понятия, как «этика» и «религия», одновременно классифицируя эстетическую стадию как низшую, имеющую ценность и значение только в качестве переходной. В этом влюбленном в свое остроумие мире кто-то, наконец, заговорил о красоте этического и религиозного. Становится ясно, что мы имеем дело с талантливым художником, а может, и гениальным. И к тихому голосу со вниманием прислушивается сердце.

Благословен
перелагающий псалмы Давида
на родной язык так,
словно перед ним отцовское послание.

Из каких неведомых сказочных пространств доносится этот голос? Нам хотелось бы моря и чаек, в крайнем случае зарослей чапарала. Но он слышен из города, «не дающего тебе ни на мгновение забыть о своей судьбе»¹. В нем олицетворяет надежду западный прибрежный

¹ См.: Н.Ф. Болдырев. Ностальгия по пейзажу.

лес, неожиданный и незнаемый лес-невидимка. Экстремизм деревьев проявляется в том, что они красивы и реалистично подвижны. Ритм и направление их роста параллельны традиции, в русле которой созданы стихи Болдырева.

Пейзажи здесь дышат так,
как на последних глотках дистанции
дышал дуинский святой,
заполняя последний лист...

Дерево провинции не отличишь от дерева столицы и в разрезе. Тишину этого знания не уловить в рокоте ностальгии по пейзажу. Как неслышная и прекрасная интонация не схожа со всем доселе слышимым. «RUN, BABY, RUN», - напевают тебе ближайшие воздушные пространства, - «крошка, лучше там, где нас нет», -- и начинаются все эти послушные паломничества чайльд-гарольдов, обреченные на тьму в конце тоннеля, потому что путешествие – это поиск пустоты, в таком ритме ничем невозможно удовлетвориться; идеология путешественника характеризуется принципиальной установкой на иллюзорность. Николай Болдырев определяет ностальгическое настроение как младенческую пассивную и нежертвенную мечтательность, приводящую ситуацию к провисанию, а героя к стагнации. Онтологическое призвание человека состоит не в деструкции (в том числе на уровне текста) сентиментальных путешествий. Он как поэт собирает вокруг себя и в себе кусочки падшего мира, и провинциализм здесь невозможен. Пространство начинает структурироваться по вертикали, а топоним утрачивает свой необходимо подробный смысл.

А еще я подумал, что Йозеф Судек всю жизнь
был при наиважнейшем деле,
ведь он фотографировал не просто кусты
и тропинки, окна и стаканы –
он фотографировал Господа Бога.

Юность литературы, юность жизни верит в новизну, жаждет ее. Опыт зрелости показывает, что красота не в новизне: ничего существенно нового не сказали ни Феофан Грек, ни Александр Пушкин, ни Андрей Тарковский, ни Аркадий Тюрин и Николай Болдырев.

Ничего нового не делает дерево, которое растет в одну сторону и на одном месте среди сотен таких же деревьев. Медленное море роста. Медленное море – это кёнинг, определяющий параметры живого, погруженного в материю. Имена, названные выше, можно смело соединить линиями: плоскость обозначит нелинейную Традицию, а остальной рабочий материал культуры учитывать нет нужды, ниже указанной планки все бессмысленно (досмысленно). Пространство каждой из точек принадлежит вечности, проецируясь на время. И сам Николай Болдырев, в борьбе с убедительностью разрушительной силы Хроноса помнит, где искать:

И я б не выдержал, сошел, как век, с ума,
когда б вневременных не слышал песнопений,
которые не нам принадлежат,
но нам дарованы, как тайный слух и зренье.

Одно из адекватных проявлений опыта зрелости – редактирование. Нового не бывает, молчание содержательнее разговоров, остается деятельность собирательная и охранительная, родственная молчанию. Потребность в такого рода занятиях возникает при вступлении в зрелость. Пушкин, биография которого – наш магический кристалл, занимался журналом в последний год своей жизни, накануне преждевременной гибели. Аналогия вызывает опасения. Кажется, впрочем, что к дуэли его привела как раз забывчивость и профессиональная рассеянность. А журнал, может быть, стоило назвать «Пророк», а не «Современник». Всего дороже обошлось согласование времен. Существуют уровни необыденного знания, которые делают предосудительными и опасными попытки считаться с знанием обыденным. В творчестве Болдырева времена и авторитеты согласованы. В творчестве Пушкина этого не было, а было в его земной жизни, уже на грани перехода из нее. В последние часы он отказался от секулярной светской терминологии и промыслил остаток жизни на церковном языке, задав тем самым направление движению культуры. У Болдырева мы находим исполнение завещания.

Тряпьем повисли на стене
Сезанн, Матисс, Гоген,
когда влетевший с озера ветер
распахнул альбом
Феофана Грека и Дионисия.

«Единственное, что стоит ценить в этом мире, это молодость и красота», – сказал Пушкин. Мы хотели бы подчеркнуть: *в этом* мире. Но молодость уходит, красота увядает, а хочется только той красоты, которая не оставит уже никогда. Мы с благодарностью провожаем прекрасную юность, которая прошла как пора ожиданий. Наступает время исполнения желаний, объективный возраст красоты – зрелость.

Кончается тетрадь – не ты, заметь.
Ты движешься, от строчек отделен
той самой зрелостью, которой зреть
тебе придется после всех времен...

Москва, 1995 г.